

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 27-го Июня 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10025.

ПОДРУГИ.

(Carte postale).

Эля поднялась на локтѣ. Рукава прозрачного пенюара закатились. Черные пряди волос прилипли ко лбу. Нежное, прекрасное лицо порозовѣло.

— Я задыхаюсь, бормотала она, я просто умираю отъ жары... Какъ ты можешь читать, Тони?

— О, это романъ, откликнулась та, и довольно милый, съ трагической развязкой.

— Неужели?

Обѣ онѣ засмѣялись и поглядѣли другъ на-друга.

— Жизнь сама по себѣ романъ. И гораздо болѣе сложный, замѣтила Эля.

У нея былъ загадочный видъ, а на губахъ грустная улыбка.

Тони насторожилась. Ужъ не хочетъ-ли она разсказать что-нибудь? Разсказать? Нѣтъ,ничего... просто философствуетъ.

Эля закинула руки за голову. Ея поза и вся она дышала очарованіемъ. Тони восхищалась по-другой. Созналась несмѣло.

Знаешь, раньше... Когда Морисъ былъ живъ... я безумно ревновала тебя.

Глазами, глубокими, печальными, она попросила прощенія. Нѣжно трогала кружево пенюара.

О, пусть Эля не сердится... Это было невольно... она такъ любила покойнаго мужа.

Эля внимательно слѣдила за мимикой наклонившагося лица.

Лѣниво, небрежно удивилась. Ревновать? Ее? Развѣ она подала поводъ? Нѣтъ, конечно, нѣтъ...

Онѣ смолкли.

Будуаръ притихъ вмѣстѣ съ ними. Нѣжные, свѣтлые тона. Нѣга стиля Людовика XVI.

Тонкій, сладкій, опьяняющій араматъ живыхъ розъ. Трепетаніе теплыхъ солнечныхъ пятенъ сквозь кружево шторъ. Матовый блескъ громаднаго зеркала. Уютъ полу-креселъ, кушетокъ. Громадный квадратъ крова. Граціозная улыбка маркизъ на стѣнахъ.

Обѣ женщины были молоды, красивы, лучшаго круга. Обѣ были рождены въ роскоши и созданы для нея. Обѣ походили на рѣдкія, тепличныя растенія.

— Три года, какъ умеръ Морисъ, — скорбно поникла Эля.

— Да, три года,—тихо откликнулась Тони.

Вспомнили съ теплой, влюбленной улыбкой. Глубокая, затаенная печаль от-

Новый памятникъ Петру I.

14-го июня на Сенатской площади въ Петербургѣ передъ аркою стараго адмиралтейства состоялось торжественное открытие по-жалованного Его Величествомъ Государемъ Императоромъ городу С.-Петербургу памятника въ Бозѣ почивающему Императору Петру Великому, изображающаго „Саардамского Плотника“.

Анна Васильевна Попова-Лучинская,

поступившая на юридический факультетъ Петербургскаго университета въ 1906 г., удостоена диплома первой степени.

Цезарія Ивановна Бодуэн-де-Куртене,

поступившая на историко-филологический факультетъ Петербургскаго университета въ 1906 году, удостоена диплома первой степени.

Анна Моисеевна Югенбургъ,

поступившая на физико-математический факультетъ (естественный разрядъ) Петербургскаго университета въ 1906 г., удостоена диплома первой степени.

ПЕРВЫЯ ЖЕНЩИНЫ, ОКОНЧИВШИЯ КУРСЪ ВЪ РУССКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЬ.

разилась на ихъ лицахъ. Онѣ невольно, жадно искали глазами его портрета.

Вотъ онъ... обаятельный, изящный брюнетъ, чуть-чуть ироническій... Трепетно, страстью, внѣ себя отъ горя и муки, созерцали любимыя черты.

Онѣ боготворили его. Ихъ души въ эту минуту молились ему.

— Какъ онъ былъ прекрасенъ, шептала Тони.

Крупные слезы сверкали на рѣсицахъ другой.

Внезапно, безъ всякаго перехода, вступленія, безъ малѣшаго колебанія Эля проговорила:

— Твой мужъ любилъ меня больше тебя.

— Морисъ любилъ, заикаясь отзывалась Тони, ты... онъ... Морисъ любилъ тебя!

— Да. Онъ любилъ меня, повторяю. Я хочу, чтобы ты это знала. мнѣ надоѣло лгать. Я принадлежала ему. Я отдала съ восторгомъ, съ упованиемъ свою чистоту, гордость, свободу, радость честной женщины, и я ни о чёмъ не жалѣю. Я не считаю себя виноватой передъ тобою. Ты взяла свою долю. О, львиную долю... Ты была его женою, ты не разставалась съ нимъ, ты могла не таить своей любви, никого не обманывать. Развѣ мало? Чего еще больше, о Боже...

Онъ умеръ, ты рыдала, безумствовала открыто, ты ночи проводила у его могилы, а я должна была выѣзжать, веселиться, поддерживать трэнъ дома, ласкать ненужнаго, мнѣ чуждаго человека. Моя мука глубже твоей. Но я увѣрена въ одномъ... Умирая и видя тебя, Тони, тебя одну—онъ думалъ обо мнѣ. Да, я увѣрена. Я готова поклясться. Я знаю. Я чувствую.

Тони слабо улыбнулась.

Острая боль удара не лишила ее самообладанія. Ненависть подсказала месть. Ненависть, которая жгла сердце, затопила душу, сердце, мозгъ, заставила ее поблѣдѣть до губъ, беспомощно опустить руки. Ненависть, которая сильнѣе, изобрѣтательнѣе любви.

Глухо, но твердо, она возразила.

— Ты не сказала ничего новаго, Эля... Морисъ говорилъ мнѣ о вашемъ романѣ... Онъ посвящалъ меня во всѣ мелочи.

Рассчитала вѣрно. Попала въ цѣль. Наслаждалась эффектомъ. Медленно роняла слова:

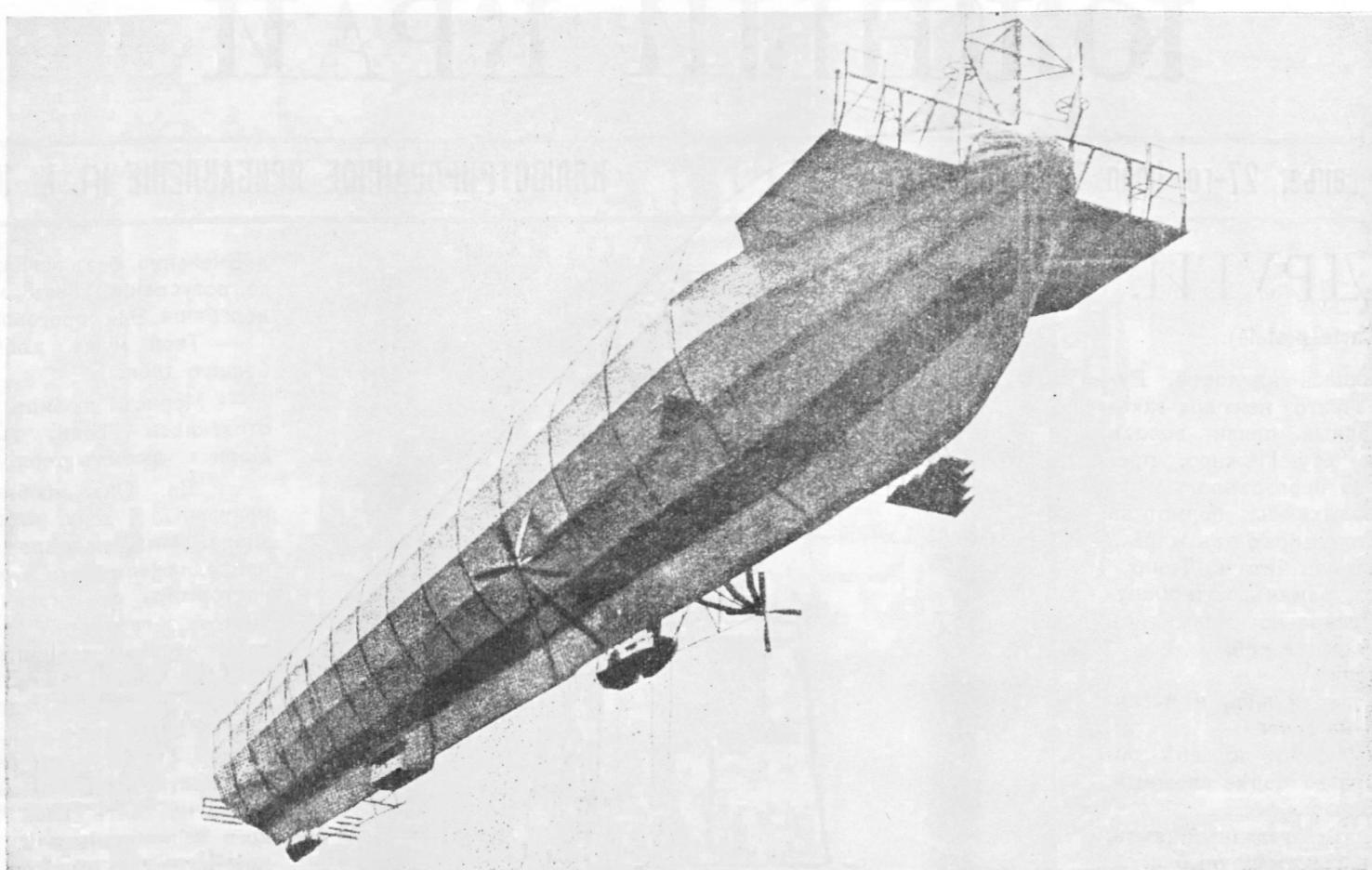
— Морисъ не смотрѣлъ на тебя серьезно, милая... Ты не была у него ни первой, ни послѣдней. Онъ, конечно, поступалъ, какъ хотѣлъ, но принималъ всѣ мои совѣты. Онъ во всемъ давалъ мнѣ отчетъ. Своимъ счастьемъ (если это счастье, Эля) ты обязана также мнѣ...

И послѣшно склонилась къ подругѣ, мягкая, внимательная, коварная:

— Боже мой, тебѣ дурно, дорогая?

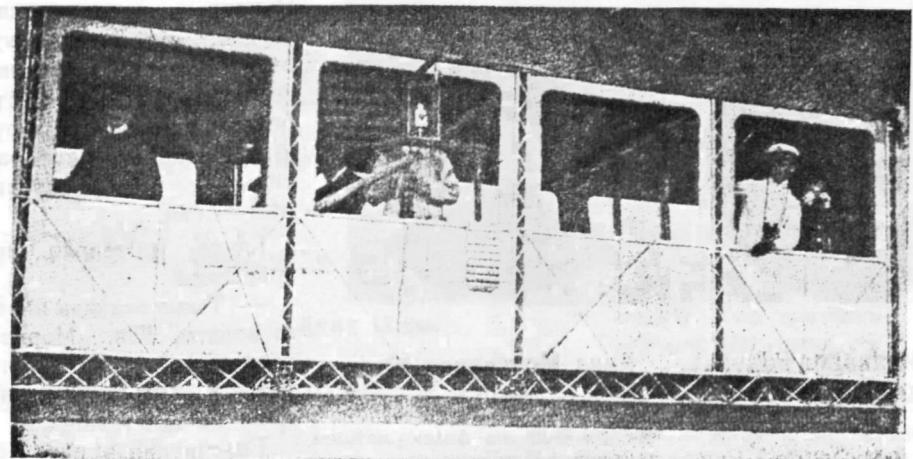
Анна Марь.

«Цеппелинъ VII»,

предназначенный для перевозки пассажировъ; длина 148 метровъ, объемъ 19,000 куб. метровъ.

Каюты пассажировъ въ гондолѣ на «Цеппелинъ VII».

Помѣщеніе для пассажировъ въ гондолѣ на «Цеппелинъ VII».

Растенія для украшенія оконъ и балконовъ.

«Скажи мнѣ, какъ выглядитъ твой балконъ, и я скажу, какъ ты живешь». Выраженіе это, созданное жителями юга, врядъ ли примѣнительно къ намъ, сѣверянамъ, хотя харьковскихъ домовладѣльцевъ и упрекаютъ за злоупотребление числомъ балконовъ въ ихъ домахъ. Даже въ богато убраныхъ квартирахъ балконы обыкновенно уныло пусты, служа лишь мѣстомъ для кратковременного пребыванія квартиран-

товъ. И такъ было не только у однихъ насъ, то же еще недавно было и въ Германии. Но, увлекаясь идеей превращенія города въ садъ, даже жители большихъ центровъ мечтаютъ теперь объ уборкѣ своихъ домовъ цвѣтами, и балконы и вѣнчнія части оконъ являются для этого наиболѣе подходящими мѣстами. Жители Берлина дѣлаютъ въ этомъ отношеніи первый починъ. Этимъ лѣтомъ въ первѹю съ 29 августа по 3 сентября нового стиля они хотятъ превратить столицу Германии въ городъ цвѣтовъ, убравши всѣ окна и балконы домовъ цвѣтующими

XVII столѣtie.

Танцы вокругъ майскаго дерева.

XIX столѣtie.

Полька.

XVIII столѣtie.

Менутъ.

XX столѣtie.

Вальсъ.

и праздникъ цвѣтовъ въ Берлинѣ могъ бы легко быть повторенъ и у насъ въ Харьковѣ. Наше Общество садоводства не скучится премировать культиваторовъ хризантемъ. Но во сколько разъ выиграла бы вѣнчность нашего города, если бы къ осени дома наши, громадное большинство коихъ не можетъ похвальиться красотою своей архитектуры, хотя сколько-нибудь скрасили свое безобразіе, выдвинувъ передъ окнами окрашенные въ зеленую краску ящики, убранные цвѣтами, и увили бы зеленою свои балконы. Есть однолѣтники, которые, высѣянные даже въ началѣ июля, дадутъ цвѣты въ сентябрь и началѣ октября, когда въ городѣ еще вполнѣ возможна уличная жизнь. Обильная поливка лѣтомъ—отнюдь не на солнцѣ и не холодною, а постоянною на воздухѣ водою—главный залогъ успѣха въ этой культурѣ. Важно также помнить, что на затѣненныхъ окнахъ идутъ успѣшно иные растенія, нежели на солнечныхъ. Для послѣднихъ особенно могутъ быть эффектны красныя и бѣлыя пеларгонии или герани, фиолетовые агератумы, оранжевые «ноготки» (*Calendula officinalis*) и синяя лобелия изъ растеній, растущихъ кустообразно. Изъ свѣщающихся формъ можно рекомендовать синюю дневную

красавицу *Convolvulus tricolor*, желтую и оранжевую настурцию—бѣлую и розовую вьющуюся герань и вербены разныхъ колоровъ. Всѣ эти растенія цвѣтутъ до самой глубокой осени и могутъ хорошо расти при самой неблагопріятной обстановкѣ. На затѣненныхъ мѣстахъ лучше удаются лиловыя петуніи, мимулюсы, кальцеоляри, Иванъ да Мары. Наконецъ затѣненные окна и балконы могли быть убираемы и комнатными растеніями, которыхъ выгораютъ на солнцѣ. Если бы эта осенью хотя бы одна Сумская—это любимое мѣсто прогулки публики—украсила дома свои по образцу Берлина ящики съ цвѣтами, обликъ нашего города принялъ бы несравненно болѣе привлекательный для обывателя видъ.

Проф. А. Красновъ.

* * *
Довольно... Не мало мнѣ лѣтъ,
Давно голова серебрится.
Что счастье—ребяческій бредъ,
Пора мнѣ, пора согласиться.
Пора мнѣ итогъ подвести
Коварству, обидамъ, обманамъ,
И, бросивъ исканьямъ прости,

Дать отдыхъ мучительнымъ ранамъ.
Живя, до сихъ поръ я не жиль.
Покоя мнѣ злѣ не давало:
Я то какъ ребенокъ любилъ,
То гнѣвомъ во мнѣ все пытало.
Теперь я покоя хочу,
Хоть съ прошлымъ разстаться мнѣ
больно.
Проклятье тебѣ, палачу,
Жизнь злобы и мрака... Довольно!

θ. M.

Изъ старыхъ тетрадокъ.

3.

Мнѣ снился грустный, странный сонъ,
Мнѣ снилось: гробъ стояль...
Я умиралъ, и тихій звонъ
Вдали, какъ стонъ, рыдалъ.
Мнѣ снилось—робко ты вошла,
Склонилась надо мной.
Въ твоихъ глазахъ любовь была,
Какъ прошлою весной.
Рыдала ты: „Зачѣмъ, зачѣмъ!
Не умрай! Живи!
Люблю тебя...“

Но я былъ нѣмъ
На зовъ твоей любви.
О, грустный сонъ, о сонъ, земли!
Въ тоскѣ я умиралъ.
И ты рыдала, и вдали
Унылый звонъ рыдалъ.

1907 г. П. Лозановъ.

Проектъ памятника М. Д. Скобелеву,

за который П. А. Самоновъ получилъ первую премію.

Въ раздумії.

А, вѣдь, сидѣть-то будетъ уже не предсѣдатель Государственной Думы.

соединяется третій, болѣе мелкій видъ *Stomoxys calcitrans*. Этими тремя видами не исчерпывается все разнообразіе комнатныхъ мухъ; но другіе виды уже сравнительно рѣдки—и не играютъ роли. Одинъ досужій нѣмецъ д-ръ Hewit вмѣсто того, чтобы попросту убивать мухъ, какъ то дѣлаютъ наши обыватели, опредѣлялъ ихъ. Охотясь за мухами въ комнатахъ, ресторанахъ, гостинницахъ, лавкахъ, кухняхъ, конюшняхъ и т. п. помѣщеніяхъ, онъ убилъ 3658 мухъ. Изъ нихъ оказалось $87\frac{1}{2}\%$ обыкновенныхъ комнатныхъ мухъ, $11\frac{1}{2}\%$ принадлежало къ *Homalomyia* и только 2% къ другимъ родамъ. Но $\%$ отношеніе это не одинаково въ различныхъ странахъ. Такъ, напр., въ Индіи изобилуетъ похожій на нашу комнатную муку, но совершенно другой видъ. Чѣмъ больше навоза и другихъ экскрементовъ, чѣмъ загрязненнѣе дворъ, тѣмъ больше мухъ въ жильѣ. Въ одномъ кубическомъ футѣ навоза можетъ развиться свыше 4000 мухъ. Самка кладетъ около 600 яицъ, изъ которыхъ черезъ 10—самое позднее черезъ 20, часовъ уже выводятся личинки. Наилучшая температура для развитія послѣднихъ—23 градуса. Линяя дважды, личинки живутъ около 8 дней, слѣдующіе 14 дней мука проводитъ въ состояніи куколки, такъ что для своего развитія отъ яйца до состоянія взрослой муки—это насѣкомое требуетъ 22 дня. Конечно, температура можетъ нѣсколько ускорить или замедлить это развитіе. Къ низкимъ температурамъ мука вынослива. Такъ, не погибая она можетъ выносить температуры въ 10° . Наблюдали, что подъ синими и фиолетовыми стеклами развитіе мухъ идетъ быстрѣе обыкновенного. Злѣйшимъ врагомъ, содѣйствующимъ истребленію мухъ, вызывающимъ настоящій моръ этого насѣкомаго, является паразитный грибокъ *Empusa tusscae*. Онъ истребляетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ птицы, пауки и друг. насѣкомыя. Муха можетъ путешествовать далеко отъ обычнаго мѣстожительства. Такъ д-ръ Hewit находилъ мухъ на разстояніи 3-хъ верстъ отъ населенныхъ мѣстъ. Она поднимается только до высоты 25 метровъ надъ поверхностью земли. Какъ извѣстно, мухи служатъ прекраснымъ средствомъ для переноса заразныхъ болѣзней, въ особенности тифа и холеры. Во время войны онѣ особенно опасны, вызывая въ войскахъ эпидеміи, и одной изъ ближайшихъ задачъ войны будущаго и является освобожденіе лагерей отъ этихъ докучливыхъ насѣкомыхъ.

